

При одном упоминании Сяо Ицзе Цзи Цзинь снова тяжело, прерывисто задышал:

— Тогда он увидел, как я принимаю таблетки. Сам залез в мою сумку, нашёл флакон... Так всё и выяснилось!

Ещё за кулисами, заметив, как болезненно Цзи Цзинь реагирует на Сяо Ицзе, Шэнь Цинъюй заподозрил, что у того есть какой-то компромат. Похоже, догадка подтвердилась.

Шэнь Цинъюй уже открыл было рот, чтобы расспросить подробнее, но Цзи Цзинь отвернулся:

— Я не хочу о нём говорить. Пожалуйста, давай не будем.

Опасаясь спровоцировать новый приступ, Шэнь Цинъюй тут же замолчал. Хотя он давно обо всём догадывался, реальность оказалась куда болезненнее. Сам он никогда не страдал ментальными расстройствами, но помнил, как в моменты глубочайшего отчаяния едва находил силы жить. Каково же тогда Цзи Цзиню, запертому в этом кошмаре годами?

Шэнь Цинъюй снова отчаянно захотелось его обнять.

— И... ты сейчас принимаешь лекарства? Есть улучшения?

Цзи Цзинь снова взял ложку, но аппетит так и не вернулся. Он просто уставился на тарелку:

— Я пил их месяца три. Полгода назад бросил.

— Бросил? — удивился Шэнь Цинъюй.

— Побочные эффекты невыносимые, — Цзи Цзинь опустил взгляд на остывающий суп. Голос его звучал глухо, почти безжизненно. — С болезнью я ещё могу как-то сосуществовать. Но с таблетками — нет.

— Что за побочные эффекты?

— От них полностью исчезают чувства. Ни радости, ни злости, ни грусти — абсолютная пустота. Постоянно тошнит, память сыплется... Чувствуешь себя ходячим мертвецом. — Он отложил ложку и неторопливо закатал рукав домашней кофты, обнажая внутреннюю сторону предплечья с тонкими, едва заметными белесыми полосами. — Видишь шрамы? Почти сошли уже.

Шэнь Цинъюй нахмурился. Те самые отметины, которые он приметил ещё тогда, в раздевалке.

— Это я сам, лезвием, — будничным, пугающе спокойный тон Цзи Цзиня выдавал колоссальное внутреннее напряжение. — Даже когда наваливалась самая глухая, чернейшая депрессия и хотелось умереть, я никогда не резал вены. Я панически боюсь боли. Решись я на самоубийство, выбрал бы снотворное.

От того, как легко и обыденно парень рассуждал о смерти, Шэнь Цинъюю стало трудно дышать. Грудь сдавило тяжёлым спазмом.

— Но эти порезы... я сделал их уже на таблетках. Не ради смерти. Мне просто нужно было проверить — действительно ли я превратился в труп. Понять, что жизнь вокруг — это не галлюцинация. Физическая боль была единственным способом почувствовать себя живым.

Шэнь Цинъюй бессильно опустил голову. Горло перехватило.

— Ты... — Он попытался подобрать слова, но Цзи Цзинь не дал ему договорить.

— Но даже это не заставило бы меня бросить лечение, — Цзи Цзинь почувствовал на щеках влагу. Провёл ладонью по лицу и замер: пальцы были мокрыми от слёз. Он глубоко вздохнул, сился совладать с собой, и продолжил: — Я отказался от таблеток по другой причине. Из-за них я перестал воспринимать музыку. Я не мог не то что сочинять — я даже слушать её больше не мог. Шопен, Guns N' Roses, Moon River... Я вроде бы узнавал каждую ноту, но в моей голове они звучали вот так.

Он согнул палец и несколько раз глухо, монотонно постучал по деревянной столешнице. Раздался однообразный стук: тук, тук, тук.

«Полгода творческой немоты», — вспомнил Шэнь Цинъюй его недавнее признание.

«Музыка — это моя жизнь. Она важнее, чем я сам».

Каша на столе совсем остыла. Цзи Цзинь едва притронулся к ней, да и Шэнь Цинъюй не сделал ни глотка.

Он не стал извергать дежурные банальности в духе «держись» или «всё наладится». Тем, кто способен с этим справиться сам, чужие пустые утешения не нужны. Люди вообще катастрофически слепы к чужому горю, их воображения редко хватает на то, чтобы осознать чужую бездну. Единственное, что Шэнь Цинъюй мог сейчас сделать для него, — это просто понять. И принять его боль.

Молча собрав пиалы с остывшей едой, Шэнь Цинъюй ушёл на кухню. Вылил холодную кашу, наложил из кастрюли свежей, горячей и вернулся в столовую, успев по пути успокоить бешено колотящееся сердце.

— Но если ты не принимаешь лекарства... как это сказывается на жизни? На работе?

— Естественно, сказывается. Я ведь сегодня просто взял и не пришёл на съёмки, — Цзи Цзинь горько усмехнулся, но тут же качнул головой: — Хотя на самом деле всё не так ужасно. Большую часть времени я вполне дееспособен. По-настоящему паршиво бывает лишь несколько дней в месяц.

Он зачерпнул ложку супа, медленно проглотил и продолжил:

— У людей с биполярным расстройством есть поговорка: «В мании ты бог, в депрессии — в морг». Во время гипомании я чувствую себя потрясающе. Мысли так и фонтанируют, энергия бьёт ключом. Могу не спать сутками и не чувствовать усталости, в такие моменты даже кажется, будто я окончательно исцелился. Но когда накатывает депрессивная фаза... наваливается дикая, свинцовая слабость. Всё теряет смысл. В худшие дни я даже с постели встать не могу.

Шэнь Цинъюй молча наблюдал за ним. Честно говоря, для постороннего человека разница между обычным Цзи Цзином и тем, что сидел сейчас перед ним, вряд ли показалась бы разительной. Тот не выглядел сумасшедшим или сломленным до неузнаваемости. И всё же Шэнь Цинъюй отчётливо видел: певец глубоко увяз в депрессивном болоте. Ярче всего это проявлялось в речи. Обычно Цзи Цзинь говорил быстро, эмоционально, вздохлёв. Сейчас же он то и дело зависал, тщательно подбирая слова, прежде чем продолжить фразу.

— У моей болезни есть чёткий ритм. Фаза подъёма обычно длится дольше — дней пять или шесть, а спад затягивается дня на два, после чего отпускает. Полный цикл занимает около недели. Наверное, это можно назвать везением: у меня не самая тяжёлая форма, я могу работать. Правда, я никогда не планирую дела на месяцы вперёд. Я просто не знаю, в каком состоянии буду в назначенный день.

Шэнь Цинъюй осенило. Теперь понятно, почему в расписании Цзи Цзиня плотно расписан только текущий месяц. В планах на следующий значились лишь пара-тройка необременительных встреч.

Заметив молчание телохранителя, Цзи Цзинь внутренне сжался — он отчаянно боялся, что его сочтут безумцем.

— Почти всегда я держу себя в руках, — торопливо добавил он. — Просто иногда...

«...когда кто-то бьёт по живому, я срываюсь».

Шэнь Цинъюй мысленно вздохнул. Жизнь публичного человека — это постоянный контакт с толпой, где внешние раздражители подстерегают на каждом шагу. В конце концов, дуракам закон не писан, и оградить от них ранимого артиста полностью невозможно.

Ему хотелось сказать: «Брось всё, отдохни, сделай перерыв». Но у него не было на это никакого права. К тому же Шэнь Цинъюй прекрасно понимал: во время подъёма Цзи Цзинь искренне горел своим делом и получал от сцены колоссальное удовольствие. Лишить его этого значило отобрать саму жизнь.

Когда с едой было покончено, Шэнь Цинъюй спросил:

— Какие планы на вторую половину дня?

— Сил нет совсем, — признался Цзи Цзинь. — Пойду снова лягу.

— Хорошая мысль. Тебе нужно отоспаться.

— А ты? Что будешь делать?

— Мои вещи остались в гостинице. Схожу заберу... Но только когда ты уснёшь.

— Напиши сестре Ань, пускай пришлёт кого-нибудь с твоим чемоданом.

Шэнь Цинъюй по привычке хотел отказаться — он терпеть не мог обременять людей своими заботами. Но, прикинув, что время близится к полудню и номер наверняка уже сдали, уступил:

— Ладно, так и сделаю.

Цзи Цзинь действительно выбился из сил. Не будь рядом Шэнь Цинъюя, он бы сегодня даже с кровати не поднялся, не говоря уже о еде. Возвращаясь в спальню, он поймал себя на мысли, что всё происходящее кажется ему каким-то зыбким, нереальным сном.

Раньше в депрессивные дни его единственным спасением был сон. Уткнуться лицом в подушку и провалиться в небытие — лучший способ переждать ментальную бурю. В бессмятстве не крутятся навязчивые мысли, а даже если в полусне и всплывает всякая дрянь, у истощённого тела просто нет физических сил воплотить её в жизнь. Но главное — во сне не нужно ни с кем общаться.

В периоды спада он сводил любые контакты к минимуму. Каждый человек вокруг казался ему ходячей бомбой замедленного действия, способной сдетонировать от любого неосторожного слова. Именно поэтому он никогда и никому не рассказывал о своём диагнозе. Цзи Цзинь до тошноты боялся фальшивой жалости и люто ненавидел снисходительные нотации сердобольных советчиков.

«Да ладно тебе, не накручивай себя», «Просто успокойся», «Подумай о чём-нибудь хорошем», «Другим ещё хуже, но они ведь как-то справляются»...

Эти невесомые, пустые фразы раз за разом безжалостно тыкали его носом в собственную беспомощность, клеймя эмоциональным калеккой. Они не приносили облегчения — лишь разжигали внутри глухую ярость и желание послать советчиков ко всем чертям.

Но Шэнь Цинъюй... Шэнь Цинъюй просто слушал. Молча, сосредоточенно, без тени дежурного сочувствия или нравоучений. И Цзи Цзинь сам не заметил, как вывалил перед ним всё, что годами копилось на душе. Это казалось немыслимым. Впервые в жизни во время депрессивного эпизода разговор с живым человеком принёс ему больше облегчения, чем глухой сон без сновидений.

Спустя полчаса в спальню тихо вошёл Шэнь Цинъюй со смартфоном в руке. Заметив, что парень ещё не спит, он негромко произнёс:

— А-Цзинь, сестра Ань пишет, что забрала наши вещи из отеля. Она сейчас совсем рядом, хочет зайти, провести тебя...

— Нет, — отрезал Цзи Цзинь.

Шэнь Цинъюй с пониманием кивнул:

— Хорошо. Тогда я спущусь, заберу чемоданы и сразу вернусь.

Цзи Цзинь молча прикрыл глаза в знак согласия.

Прихватив электронный ключ, Шэнь Цинъюй вышел из квартиры.

У ворот жилого комплекса Шэнь Цинъюй помогал водителю выгружать чемоданы из багажника машины Су Ань.

Сама Су Ань стояла чуть поодаль, с подозрением разглядывая телохранителя:

— Значит, А-Цзинь сам попросил тебя остаться у него?

Чувствуя уколы совести, Шэнь Цинъюй отвёл глаза:

— Да. Он слегка простудился, выпил лекарства и лёг спать.

На лице Су Ань отразилась целая гамма противоречивых эмоций.

Точно Цзи Цзинь занемог и заперся от всего мира, её не удивляло — подобное случалось регулярно. В периоды отдыха он превращался в нелюдимого затворника, ревностно оберегающего личные границы. Именно из-за этой причуды в его огромном пентхаусе не было постоянной прислуги. Су Ань приходилось нанимать клининговую службу и лично контролировать уборку, поскольку Цзи Цзинь наотрез отказывался выдать ей запасную карту-ключ.

И вдруг этот нелюдимый гордец позволяет Шэнь Цинъюю хозяйничать в своём святилище? Ей, двоюродной сестре, вход заказан, а какому-то телохранителю — добро пожаловать? Куда только делись разговоры о «личном пространстве»?

— Strongly развезло? — спросила Су Ань. — Может, врача вызвать?

— Ничего страшного, обычное переутомление, — Шэнь Цинъюй поставил последний чемодан на асфальт. — Говорит, выспится — и всё пройдёт.

Су Ань порывалась подняться в квартиру вопреки запрету, но, глядя на невозмутимую, глухую стену в лице Шэнь Цинъюя, поняла, что спорить бесполезно.

— Ладно. Раз он не хочет меня видеть, мешать не буду. Если что-то понадобится — сразу звони.

— Договорились.

«Вырос мальчик, босс ему теперь роднее сестры», — мысленно проворчала Су Ань, садясь за руль. Её автомобиль плавно влился в городской поток.

Кое-как управившись с чемоданами, Шэнь Цинъюй поднялся наверх. Первым делом он заглянул в спальню проверить, заснул ли хозяин дома. Если да, можно было выкроить часок на лёгкую тренировку. Но Цзи Цзинь лежал на боку, уставившись в пустоту широко раскрытыми, затуманенными глазами. Услышав шаги, он медленно перевёл взгляд на вошедшего.

Шэнь Цинъюй тихо подошёл и опустился на корточки у постели:

— А-Цзинь, принести что-нибудь?

Тот едва заметно качнул головой.

Стоило Шэнь Цинъюю скрыться за дверью, как в голову Цзи Цзиня ядовитыми змеями полезли тёмные мысли.

«Вдруг парень испугался его диагноза и посчитал ненормальным? Вдруг предлог с вещами — лишь трусливая попытка сбежать? Расскажет ли он кому-то его тайну?..»

Но едва знакомый высокий силуэт снова вырос у кровати, липкий туман тревоги мгновенно рассеялся.

Поколебавшись секунду, Шэнь Цинъюй спросил:

— Послушай... Ты не против, если я сегодня тоже переночую здесь?

Оставлять артиста одного в таком разобранном состоянии казалось чистым безумием.

Цзи Цзинь посмотрел на него снизу вверх и тихо обронил:

— Можешь переехать насовсем.

Шэнь Цинъюй на мгновение опешил. Это было уже второе приглашение. В первый раз он отказался сразу по двум причинам: во-первых, из-за разницы в привычках не хотелось терять автономию, а во-вторых... контракт заканчивался через три месяца. Подсознание требовало держать дистанцию, чтобы не привязаться к нанимателю слишком сильно.

Но сейчас всё изменилось.

Цзи Цзинь прекрасно знал о сроках договора, но всё равно просил остаться. В моменты абсолютной уязвимости каждому из нас нужен тот, кто просто побудет рядом. Отказать ему сейчас было бы верхом жестокости.

— Хорошо, — мягко согласился Шэнь Цинъюй. — Завтра соберу вещи и перевезу их сюда.

Впрочем, в тот день до упаковывания коробок дело так и не дошло. Ночь они снова провели в одной постели.

<http://bllate.org/book/18263/1748560>